

Церковь – не субкультура и не набор долженствований

[Петр \(Мещеринов\), игум.](#)

Доклад игумена Петра (Мещеринова) на круглом столе «Миссия в молодёжной среде прошла успешно. Что дальше?», прошедшем под руководством протоиерея Николая Соколова 22 января 2010 г. в рамках зимней сессии Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского института. На круглом столе, в работе которого приняли участие игумен Петр (Мещеринов), игумен Сергей (Рыбко), протоиерей Максим Козлов, Борис Якеменко, сотрудники Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи Данилова монастыря, предлагалось ответить на три вопроса:

каковы критерии успешности миссии, в каких формах ее лучше осуществлять и какова главная ее цель?

Обсуждать «удавшуюся миссию» – это все равно, что говорить, что яблочные сады на Луне процвели. На сегодняшний день это мне представляется несколько утопичным. И в связи с этим я хочу обратить ваше внимание на две проблемы.

Во-первых, сегодня кардинально изменилась церковная парадигма. В двадцатом веке отпало всякое внешнее принуждение человека к религиозности. С одной стороны, цивилизованное развитое государство взяло на себя многие социальные функции, которыми раньше традиционно занималась Церковь – благотворительность, здравоохранение и прочее. То есть у человека остаётся меньше внешних мотиваций обращаться в Церковь; таковые мотивации становятся исключительно религиозными. С другой стороны – религия сделалась частным делом, т.е. нет уже ни традиционного, ни общественного, ни тем более государственного принуждения к той или иной религиозности, которая была еще в 19 веке. Это большое благо, это для христианства необыкновенно важно.

В 20 веке Церковью осмыслялись многие вопросы, которые раньше не ставились. Например, вопросы супружества. Всем известная сегодня фраза, что семья – это малая Церковь – вовсе не святоотеческая фраза, это именно церковное осмысление брака в 20 веке. Сюда же относятся вопросы частого причащения, евхаристического основания Церкви и другие. Достаточно вспомнить положения Основ социальной концепции РПЦ – такая «свобода взглядов» в Церкви прошлых времен просто немислима. Это осмысление жизни – плод именно религиозной свободы и «непринуждающей» мотивации.

Но существует в Церкви и большая историческая инерция, которая заставляет людей жить так, как будто они продолжают существовать в прошедшем «симфоническом» времени, когда Церковь и государство взаимно «ис-

полняли обязанности» друг друга. Церковному сознанию очень трудно перестроиться, потому что этот перелом совершается ровно сейчас, ровно на нас.

Осмысление этих обстоятельств – это наша сегодняшняя важнейшая задача; но идет это осмысление с большим трудом – в результате чего возникает миссионерская проблема. Миссия по своей природе призывает людей в Церковь свободно и добровольно. Но, придя в нашу церковную жизнь, люди будут завалены невероятными долженствованиями; свобода и добровольность у них будут в значительной степени отняты. Причем долженствования эти – вовсе не евангельские и церковные, нравственные и духовные. Как раз эти здравые и необходимые долженствования отставлены в сторону, и подменяются они иными долженствованиями – субкультуры, лексики, излишней обрядовой дисциплины, навязываемых определенных политических или общественных предпочтений, и так далее. Плохо то, что всё это преподносится уже внутри Церкви, как нечто обязательное и присущее церковности по сути. И это, конечно же, сбивает людей с толку.

Вторая проблема вот в чём. Церковность у нас сведена к жизни исключительно храмовой, богослужебно-дисциплинарной. От человека воцерковляющегося требуют исключительно жизни по установленному порядку: исповедь, пост, причастие. Что надо сделать для того, чтобы быть христианином? Очень просто – быть храмовым человеком, поститься, исповедаться, причаститься и так далее. Но это большая ошибка. Жизнь церковная, православная никак не может быть сведена только лишь к посещению храма и исполнению правил внешнего постнического и богослужебного благочестия. Мало того. Такое внешнее храмовое благочестие заслонят от людей собственно евхаристический смысл православной общины. Святитель Феофан Затворник блестяще определил соотношение евхаристии и христианской жизни: каков ты на Литургии, таков должен быть и во всякую минуту своей жизни. У нас между жизнью «вообще» и храмом зачастую – пропасть: живём как все, а то и ещё хуже, а Богу «угождаем» постами, молитвенными правилами и «хождением в храм». Но это не евангельское и не церковное устройство жизни.

Эти две проблемы не позволяют современному человеку воспринять Церковь адекватно. Современные люди воспринимают Церковь именно как определенную субкультуру и определенный набор долженствований. Но Церковь ни тем, ни другим по сути не является. Для успеха миссии нам нужно именно во внутрицерковной жизни явить суть Церкви – любовь к Богу и к людям, подлинную евхаристичность, христианскую нравственность и духовность.

И здесь нет речи о том, чтобы поступаться традицией. Речь идет о том, чтобы осмыслить современность с церковной точки зрения.

– *Что значит для вас миссия, ее успешность, критерии успешности?*

– Ответ зависит от того, что понимать под миссией. Нужно различать миссию во внутрицерковном смысле и в общественном, российском контексте. Во внутрицерковном смысле многие представляют миссию так: человек входит в Церковь, чтобы начать строго исполнять четыре поста, среду и пятницу и прочие положенные посты; чтобы неопустительно читать утренние и вечерние молитвы, чтобы ходить на всенощную и литургию, исповедоваться, причащаться и, наконец, достичь вершины христианского совершенства – вычитывать три канона с акафистом и правило ко причащению перед каждым своим причастием. Происходит формализация церковной жизни, когда христианское совершенство измеряется внешним – количеством постов и вычитанных правил. Кроме того, результат миссии, как я уже говорил, по мнению многих православных должен включать в себя неперемнное антизападничество, жажду восстановления монархии и проч.

На самом деле, если мы возьмем древние христианские памятники (например, Апостольские Постановления), то мы там увидим призыв к совершенствованию и долженствованию, но – в нравственном смысле. Я недавно перечитывал эту книгу. Там, например, много говорится о том, что если какой отрок или девица остались сиротой, то пусть христианин возьмет его к себе, и будет ему этот отрок, как сын, а девица, как дочь. Пусть он даст ему образование, мастерство, а дочь выдаст замуж. Увы, такой «практический» настрой Древней Церкви очень далёк от сегодняшней церковной жизни...

То есть – христианское совершенствование должно быть не только храмовое. Если говорить о внутренней жизни, то важно, чтобы человек постигал опыт Богообщения и находил в Церкви Божественную педагогику. А это возможно только в том случае, когда жизнь христианина проходит в полноте, чтобы было не только храмовое христианство, но и всестороннее.

Что касается общественного успеха миссии, то это вопрос очень острый. Наше время и наше Отечество характеризуется стадностью, антисолидарностью, нравственным релятивизмом. И успех христианской миссии в этой области я вижу в том, чтобы христиане приобретали нравственный взгляд на происходящее вокруг. Это очень сложно, потому что это потребует от людей, чтобы ещё до того, как человек стал церковным, он просто состоялся бы как нравственная и гражданская, зрелая, свободная и ответственная личность. По-

ка ничего этого не видно, и в этом направлении никакой пастырской работы не ведётся.

Итак, мне представляется, что успех миссии зависит от приведения именно внутрицерковной жизни в соответствие с Евангелием и подлинной традицией Церкви. В качестве практических шагов, на мой взгляд, необходимо вернуться к решениям и разработкам Собора 1917 – 18 гг. и начать осмыслять их в свете современности и осуществлять на практике.

Текст подготовлен к печати порталом "[Православие и мир](http://pravoslavie-i-mir.org/)": О. Уткина, А.Данилова
<http://kiev-orthodox.org/site/churchlife/2177/>